

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2017.4.258

WINDOW TO RUSSIA: EVERYDAY LIFE AND MYTHOLOGY IN HISTORY AND LITERATURE

The *Problema Voluminis* section of *Quaestio Rossica* no. 4, 2017, continues to develop the theme of the Revolution, which does not seem complete without a proper scholarly overview of its heritage beyond ideological clichés. Dr *Tatiana Krasavchenko* (Institute of Scientific Information on the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences) searches for new facets of the Russian character in relation to authentic and fictitious features of Russian reality. Krasavchenko writes about the complex perception of Russia by the English author William Gerhardie, whose works reflect both Russian and English literary traditions. He was fortunate enough to be a witness to the dramatic historical events of the early 20th century, and his vivid images of Russia in the 1920s and the 1930s inherited the artistic discoveries of A. P. Chekhov. The desire to understand Russia in its controversial natural, historical, and cultural manifestations is peculiar to another British writer, Joseph Conrad, whose work is studied in the article of Professor *Svetlana Koroleva* (Nizhny Novgorod Linguistic University). These two articles reveal a common mode of perception of Russia as a despotic country whose inhabitants are, on the one hand, aggressive and infantile, but, on the other, rather talented and kind-hearted. The writer of the latter article is convinced that the true identity of the Russians lies in the territorial openness of the Russian steppe, which inspires dreams of freedom, and in oppressive government, which methodically degrades human dignity. Without a doubt, this theme remains relevant, especially once put into the context of universal history.

A scholarly biography of Karen Hewitt, a professor at Oxford University, is offered in terms of her contribution to the reception of Russian literature in the UK (*Scientia et vitae* Section). Hewitt's colleague and friend, *Olga Sidorova* (Ural Federal University), cites interesting biographical facts, revealing the way in which the British scholar deepens her interest in Russian literature and demonstrating her multi-faceted research talents, which are highly valued by the Queen of the United Kingdom.

Identifying the peculiarities of the translation and study of Sergey Yesenin's works in Germany, Professors *Natalia Nikonova*, *Daria Olitskaya* and *Ekaterina Khilo* of Tomsk University consider the process within the framework of receptive aesthetics. The article presents new data on the poetic perception of one of the most iconic poets of the Russian 20th century abroad.

Aiming for a deeper understanding of the history of the Russian Revolution, *Quaestio Rossica* is publishing articles based on new archival data. In Soviet historiography, the main idea behind the study of the October Revolution was the historical ‘inevitability’ of the revolutionary events and their worldwide historical significance. In the post-Soviet period, the question of the Revolution, while present, lingered in the background of the historical discipline, mainly in the form of discussions on the occasion of yet another anniversary. Thus, the main question of what the Revolution was (a riot, a conspiracy, a military mutiny or a revolutionary ‘choice of the masses’?) has not yet been exhaustively researched. For some reason, in the early 20th century Russia deviated from the well-trodden path of European bourgeois modernization and went its own way.

Understanding the Revolution also implies characterising Soviet society. What did it represent? Was socialism in fact ‘built’ at all? If it was, how and to what extent was the ‘ideal’ blueprint distorted? In addition to the direct consequences of the 1917 revolutions (i. e. the abolition of the old state system and the following civil war, massacres and destruction), historians should also take indirect results into account, such as the ideology from which belief in potential of a new human being and a new cultural code emerged. It was an attempt to create a new society ‘from scratch’: it had no historical analogues but sought to achieve the utopian notions that it should be free of war, oppression, and inequality and that it should be a place where all citizens would have equal rights to exercise their talents and receive material and spiritual gratitude from society.

Having taken power into their own hands, the Bolsheviks had only a vague idea about the purpose of their struggle – the ‘Society of the Future’ and the principles upon which to build it. Their policies were largely determined by the belief in the need for a dictatorship built on the principles of violence. For Russia, this historical experiment had the most dramatic consequences. Among other things, it led to the formation of a new system of social inequality and pseudo-democracy, one based on mobilization mechanisms which discredited the very idea of socialism. The process of translating initial ideas into particular political decisions and actions still requires careful study. The utopianism of those ideas and objectives, as well as the lack of a clear vision for the ‘Society of the Future’ and the unprecedented historical conditions of the project, all contributed to the mythologization and radicalization of the strategies and practices of violence. The implementation of the ‘Soviet Project’ led to a paradoxically split historic reality, as evidenced by a strange bifurcated result that was simultaneously imaginary and real: on the one hand, there was the objective reality of Soviet society as a new system of inequality and lack of freedom; on the other, the shining convictions of the Soviet people that their system was an ideal example of the highest possible justice and harmony.

In the section *The Russian Revolution, 1917–2017: The Mythology and Reality of Everyday Life*, *Quaestio Rossica* presents articles that reveal

the processes by which the new society was constructed and analyze the dialectical relationship between mythological beliefs and actual practices of everyday life. The themes involved are labor, trade, everyday life, and motherhood.

Professor *Sergey Krasilnikov* (Novosibirsk State University) examines the transformation of the mythologeme 'liberated labor' into an idea of socially useful work and the various practices by which it was organized in early Soviet society (civilian employment in the military, regime-restricted employment such as *sharashka*, coercive labour, etc.). Such practices, according to the author, were directed less towards the realisation of a labourer's individual capacity than to the 'nurturing' of the Soviet spirit and re-education through punishment.

Associate Professor *Alexey Kilin's* article (Ural Federal University) analyses the daily trade practices of Urals workers in the 1920s. It also reveals how the early socialist idea of 'distribution according to labor' was transformed into the later Soviet multi-tiered and highly hierarchical distribution system, which, in an improved form, continued to exist until the end of the Soviet era. The substitution of market-based trade with a system of distribution and redistribution (named much later as "Soviet trade") contributed to the proliferation of various trade practices among the general public, mostly unauthorized by the state. A significant part of society was involved in these trade practices (workers and, later, *kolkhoz* peasants). Their needs could not be met by the authorities because of the constant shortage of goods and services.

The article by Professor *François Nérard* (Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne) examines the problems of organizing and developing the public canteen system in the early Soviet Urals. The author debunks the Soviet myth connected with the ideas of the socialist way of life as a sphere of public, rather than private, practices. The development of a network of canteens, one of the vectors for 'liberating' women from kitchen slavery, was essentially a mechanism for redistribution of food, as a separate subsystem in the overall hierarchy of Soviet distributions.

The discourse on the Soviet type of emancipation continues with the article by Professor *Elena Chernyshova* (Moscow Pedagogical University) on the myth of motherhood and childhood in the works of Andrey Platonov. This myth absorbed utopian ideas of 'liberating a woman' and educating a 'new citizen'. Mythologizing women's roles in a socialist society and its absurd opposition to reality is achieved by Platonov through parody, hyperbolization, complex symbolics, and incidental plots. Turning the idea of motherhood into total nonsense, the writer debunks the new mythology, trying to return the reader to an understanding of genuine humanistic values.

The article by Professor *Lyudmila Mazur* (Ural Federal University) subverts the belief that young people were the first to practice revolutionary ideas. Using the materials of the All-Russian Party Census of 1922, the author concludes that there had been noticeable changes in the composition

of the party, where poorly educated youths had become the majority. Young people, controlled by the Communist Party and Komsomol organs, became not only the driving force behind socialist transformations, but also a personnel reserve for high leadership positions. The most important factor in mobilizing the youth was a special policy aimed at the ideological frying of young minds, abundant political education and the mass militarization of the younger generation.

An article by Professors *Gunnar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway) and *Elena Glavatskaya* (Ural Federal University) is devoted to a comparative analysis of several great revolutions (the French, the Russian and the American) and the specifics of post-revolutionary censuses (their organization, programme and results). The main assignment of the censuses was to obtain reliable and complete information about the population of a country that had just survived revolutionary upheavals. Statistics can provide objective information, but they can also become a powerful conductor of myths designed by the authorities, proving the presumed success of the state's programme, as demonstrated by the history of the All-Union population censuses of 1937 and 1939.

The *Disputatio* section features articles based on new archival sources and historical data that have undergone considerable recent reassessment. Professor *Alexey Frolov* (Institute of History, RAS) analyzes a 15th-century document from the archive of the Trinity Monastery of St Sergius, resulting in more accurate dating, attribution and information, especially with regards to the functioning of the monastery. Professor *Evgeny Akelev* from the Higher School of Economics (Moscow) provides new facts about the timing of Peter the Great's decrees on shaving beards and the connection of this policy with a new image of the Russian citizen. This is the second work by Professor Akelev on this interesting and paradoxical topic to be published in *Quaestio Rossica* (2013, no. 3): both present a multifaceted understanding of the various ways in which European everyday culture became familiar to Russians in the course of the development of the imperial state. Ideas related to Montesquieu's treatise *The Spirit of the Laws* that came to be included in Russian social thought by the 1760s are reviewed in the work of Associate Professor *Mikhail Kiselev* (Ural Federal University). The author presents convincing facts about the critical attitude of the Russian elite to the provisions of this philosophical treatise and looks to other important sources for fundamental laws in Russia.

Quaestio Rossica continues in this issue to explore the theme of historical memory. The article by Professor *Evgeny Rostovtsev* and Associate Professor *Dmitry Sosnitsky* (St Petersburg, HSE) provides data on the glorification and politico-cultural use of collective memory about the life and deeds of Dmitry Ivanovich Donskoy, a prince from the 14th century, during the second half of the 19th and early 20th centuries.

The linguistic research of the Tomsk scholars Professor *Zoya Rezanova* and graduate student *Alexandra Bub* deals with the phenomenon of semantics of collocation-binomials in Russian speech and the frequency

of various genesis. Drawing upon various sources (Russian National Corpus, as well as dictionaries and questionnaires) reveals the evidence of the diverse quality of binominals, the integrity of their components and the development of polysemy.

In the *Controversia et recensiones* section, Professor *Adrian Selin* (HSE, St Petersburg) enthusiastically praises the efforts of historians from the Ural Federal University for their studies on the social history of modernity. The evidence for this is a conference on social stratification held in Ekaterinburg in November 2016. An interesting discussion on the participants' theses is accompanied by reflections on the prospects for the development of this branch of history.

The review by Professor *Tatyana Snigireva* (Ural Federal University, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) observes the effective work of a Russian and Belarusian team of philologists in trying to understand poetic culture in contemporary society. The collection of articles, published in 2016, is a successful example of collective research in the fields of literary history and poetics, revealing new names and new research areas to the reader.

Lyudmila Mazur, Larisa Soboleva
(Ural Federal University).
Translation by *Anna Dergacheva*

В четвертом номере *QR* в рубрике *Problema voluminis* продолжается развитие темы революции, которая не может быть завершена без научного освещения ее последствий вне идеологических штампов. Поиск новых граней осмысления русского характера в соотношении с реальными и вымышленными особенностями русской действительности исследуется доктором филологических наук *Татьяной Красавченко* (ИНИОН РАН), повествующей о сложном восприятии России английским писателем Уильямом Джехарди, чье творчество отражает русскую и английскую литературные традиции. Ему повезло быть свидетелем поворотных исторических событий XX в., и его яркие образы России 1920–1930-х гг. продолжили художественные открытия А. П. Чехова. Желание понять Россию в ее противоречивых природных и историко-культурных проявлениях свойственно другому пи-

сателю из Великобритании Джозефу Конраду, чье творчество представлено статьей доктора филологических наук *Светланы Королевой* (Нижегородский лингвистический университет). Соединение двух статей выявляет общий модус восприятия России как деспотической страны, жители которой агрессивны, инфантильны, но талантливы и отзывчивы. Писатель, по мнению автора статьи, убеждает соотечественников, что идентичность русских кроется в территориальной открытости великих равнин, подталкивающих к мечте о воле, и деспотического правления, унижающего достоинство человека. Тема несомненно современна, поскольку вписана в контекст общечеловеческой цивилизации.

В направлении рецепции русской словесности в Англии рассматривается научная биография профессора Оксфордского университета Карен Хьюитт (рубрика *Scientia et vitae*). Коллега и друг Карен доктор филологических наук, профессор *Ольга Сидорова* (Уральский федеральный университет) приводит интересные факты ее биографии, раскрывающие путь приобщения британской подданной к русской литературе, показывает грани ее исследовательского таланта, высоко оцененного королевой Великобритании.

Исследователи Томского университета доктор филологических наук, профессор *Наталья Никонова* и кандидаты филологических наук *Дарья Олицкая* и *Екатерина Хило*, выявляя особенности переводов и изучения творчества Сергея Есенина в Германии, рассматривают процесс в рамках рецептивной эстетики. В статье приводятся новые данные о поэтическом и читательском восприятии за рубежом одного из самых национально-знаковых поэтов XX в.

Углублением истории Русской революции являются статьи, основанные на новых архивных сведениях. В советской историографии главной в понимании феномена Октябрьской революции была констатация закономерности произошедших событий и ее всемирно-исторического значения. В постсоветский период проблема революции имманентно присутствовала, но в основном в виде дискуссий по случаю очередной юбилейной даты. И главный вопрос о том, что же это было – бунт, заговор, военный мятеж или революционный выбор масс – до сих пор не выявлен с надлежащей полнотой, так же как и причины, по которым Россия сошла с проторенной Европой дороги буржуазной модернизации и пошла своим путем.

Понимание революции диктует характеристику советского общества как главного ее результата. Что оно собой представляло? Был ли социализм все же построен, какими усилиями и с каким искажением идеальной схемы? Помимо прямых последствий революции 1917 г. (смена государственного строя и Гражданская война, разруха и проч.), следует учитывать опосредованные результаты, в основе которых лежит убеждение в возможности формирования нового человека и нового культурного кода. Речь идет о попытке создания нового общества, исторических аналогов которому не

существовало, но имелись утопические представления о том, что в нем не должно быть войн, угнетения, все должны иметь равные права, реализовывать свои таланты и получать признательность общества в материальной и иных формах.

Взяв власть в свои руки, большевики имели самые общие представления о цели своей борьбы – обществе будущего и о том, как его построить. Их политику во многом определяла уверенность в необходимости диктатуры, построенной на принципах насилия. Для России этот исторический эксперимент имел неоднозначные последствия. Среди прочего, он привел к формированию новой системы социального неравенства и псевдодемократии, опиравшейся на мобилизационные механизмы, что дискредитировало идею социализма. Процесс воплощения идей в политические решения и действия требует тщательного изучения. Утопичность идей и целей, отсутствие четких представлений об обществе будущего и беспримерные конкретно-исторические условия реализации проекта способствовали как мифологизации стратегий, так и радикализации практик с установкой на насилие. Реализация советского проекта привела к раздвоенной исторической реальности, демонстрирующей мнимый и реальный результат: объективированная реальность – советское общество как новая система неравенства и несвободы, субъективированная реальность – убеждения советских людей, что советский строй – пример высочайшей справедливости.

В разделе *Революция 1917–2017: мифология и реальность повседневности* представлены статьи авторов, с разных сторон раскрывающие процессы конструирования нового общества и анализирующие диалектическую связь мифологических представлений и реальных практик повседневности. Это касается труда, торговли, быта, материнства.

В статье доктора исторических наук, профессора *Сергея Красильникова* (Новосибирский университет) рассмотрена трансформация в раннесоветском обществе мифологемы «освобожденный труд» в идею общественно-полезного труда и разнообразные практики его организации (вольнонаемный, режимный, принудительный), ориентированные не столько на реализацию возможностей человека, сколько на его воспитание и перевоспитание путем наказания.

Статья кандидата исторических наук *Алексея Килина* (Уральский федеральный университет) посвящена анализу повседневных торговых практик рабочих Урала 1920-х гг. Также в ней раскрываются особенности трансформации социалистической идеи «распределения по труду» в советскую многоуровневую систему распределения, которая в усовершенствованном виде просуществовала до конца советской эпохи. Подмена механизмов рыночной торговли системой перераспределения, получившей позднее название «советской торговли», способствовала распространению среди населения разнообразных

торговых практик, как правило, не санкционированных властью. В них была втянута значительная часть общества (рабочие, а позднее и крестьяне-колхозники). Их потребности власть не могла удовлетворить из-за постоянного дефицита товаров и услуг.

В статье доктора исторических наук *Франсуа Нерара* (Франция, Сорбонна) анализируются проблемы организации и развития системы общественного питания на Урале раннесоветского времени. Развенчивается советский миф, который связан с представлениями о социалистическом быте как сфере общественных, а не частных практик. Развитие системы столовых, будучи одним из направлений «освобождения» женщин от кухонного рабства, по сути своей представляло механизм перераспределения продуктов питания, входя в качестве самостоятельной подсистемы в систему распределителей.

Дискурс об «эмансипации по-советски» продолжает статья доктора филологических наук *Елены Чернышовой* (Московский педагогический университет) о мифе материнства и детства в произведениях Андрея Платонова. Этот миф вобрал в себя утопические идеи «освобождения женщины» и воспитания «нового человека». Мифологичность представлений о роли женщины в социалистическом обществе, их абсурдное противопоставление реальности достигаются А. Платоновым через пародию, гиперболизацию, символы, сюжеты-казусы. Доводя до бессмыслицы идею материнства, писатель развенчивает новую мифологию, пытаясь вернуть читателя к пониманию подлинных гуманистических ценностей.

Статья доктора исторических наук *Людмилы Мазур* (Уральский федеральный университет) ниспровергает убеждение, что носителем революционных идей была прежде всего молодежь. Используя материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г., автор делает вывод о заметных изменениях в составе партии, где малообразованная молодежь стала составлять большинство. Молодые люди, контролируемые партийными и комсомольскими органами, становились не только движущей силой социалистических преобразований, но и кадровым резервом для высоких руководящих должностей. Важнейшим фактором мобилизации молодежи стала особая политика, направленная на идеологическую обработку сознания, политическое воспитание, военизацию молодого поколения.

Компаративному анализу нескольких великих революций (Французская, Русская, а также гражданская война в США) и специфике последовавшей после революции переписи населения (организация, программа, результаты) посвящена статья профессоров *Гуннара Торвальдсена* (Университет Тромсё, Норвегия) и *Елены Главацкой* (Уральский федеральный университет). Основная задача переписи – это возможности власти в получении достоверной и полной информации о населении страны, пережившей революционные потрясения. Статистика может давать

объективную информацию, а может стать транслятором мифов, конструируемых властью, удостоверяя успех государственной программы, как это демонстрирует история Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 г.

В рубрике *Disputatio* опубликованы статьи, основанные на новых архивных источниках и исторических сведениях, подвергшихся современной интерпретации. Кандидат исторических наук Алексей Фролов (Институт истории, РАН) подвергает анализу документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря, в результате которого уточняются его датировка и атрибуция, что повышает точность и конкретность знания о функционировании монастыря. Новые факты о времени появления указа Петра Великого относительно бритья бород в связи с представлением о новом образе российского гражданина приводятся кандидатом исторических наук доцентом Евгением Акельевым из Высшей школы экономики (Москва). Это уже вторая статья автора на эту интересную и парадоксальную тему, в которой отражается многогранность понимания путей приобщения к европейской бытовой культуре в контексте имперского вектора развития государства (см.: *Quaestio Rossica*, 2013, № 3). Идеи, вошедшие в российскую общественную мысль к 60-м гг. XVIII в., связанные с трактатом Монтескье «Дух законов», рассматриваются в работе кандидата исторических наук Михаила Киселева (Уральский федеральный университет). Автор приводит убедительные факты критического отношения русской элиты к положениям философского трактата и практике обращения к другим важным источникам фундаментальных законов в России.

Журнал постоянно поднимает тему исторической памяти. В статье доктора исторических наук Евгения Ростовцева и кандидата исторических наук Дмитрия Сосницкого (Санкт Петербург, ВШЭ) приводятся данные о процессе глорификации и политико-культурного использования памяти во второй половине XIX – начале XX в. жизни и подвигов Дмитрия Ивановича Донского, князя XIV в.

Лингвистические изыскания томских ученых доктора филологических наук, профессора Зои Резановой и аспиранта Александры Буб касаются феномена семантики коллокаций-биномиалей в русской речи и частотности различного генезиса. Обращение к различным источникам (Национальному корпусу русского языка, словарям и анкетированию) открыло факты разнообразного качества биноминалов, целостности их компонентов и развитием полисемии.

В рубрике *Controversiae et recensiones* доктор исторических наук, профессор Адриан Селин (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург) с большим энтузиазмом характеризует усилия историков уральского федерального университета в изучении социальной истории Нового времени. Свидетельством этого является Конференция по социальной стратификации, проведенная в Екатеринбурге в ноябре 2016 г. Обсуждение докладов участников дополня-

ется размышлениями о перспективах развития этого направления истории.

Рецензия доктора филологических наук профессора *Татьяны Снигиревой* (Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН) повествует об результативной работе русско-белорусского коллектива филологов, направленной на осознание стихотворной культуры в современном обществе. Изданный в 2016 г. сборник статей — пример совместных исследований, относящийся как к истории литературы, так и к ее поэтике, открывающий читателю новые имена и новые направления исследований.

Людмила Мазур, Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)